

References

Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке / В.В. Бурлакова. – Л. : Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1975. – 128 с. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М. : Высшая школа, 1987. – 105 с. Гореликова С.Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке / Гореликова С.Н. // Гуманитарные науки. Романо-германская филология. Вестник ОГУ, 6'2002. – С.130 – 136. Єнікеєва С.М. Системність і розвиток словотвору сучасної англійської мови: [монографія] / С.М. Єнікеєва. – Запоріжжя : Запорізький національний університет, 2006. – 303 с. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка: [учебник] / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М. : Высш. шк., 1981. – 285 с. Лещак О. В. Методологические основы функционального исследования языковой деятельности (на материале славянских языков) / Лещак О. В. Дис...докт. филол. наук: 10.02.19 „Теория языка“, 10.02.01 „Русский язык“. – Тернополь, 1997. – 641 с. [Электронный ресурс] / О.В.Лещак // Режим доступа до дисертації : http://orel3.rsl.ru/dissert/leshchak_o_v/Disser_all.pdf. Палій О.С. Дієслова з постпозитивними компонентами on і off в сучасній англійській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.04 „Германські мови“ / О.С. Палій. – Донецьк, 2008. – 20 с. Теория познания. В 4 т. Т. 2. Социально-культурная природа познания; под ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. – М. : Мысль, 1991. – 478 с. Curme G.O. A Grammar of the English language in three volumes. / G.O. Curme. Vol. III. Parts of speech and accidence. – Boston: D.C. Heath and Company, s.a., 1931. – 616 p. Langacker R.W. Foundations of cognitive grammar / R.W. Langacker Vol.2: Descriptive application. – Stanford: Stanford University Press, 1991. – 589 p. Palmer F.R. Semantics. A New Outline / F.R. Palmer. – М.: Высшая школа, 1982. – 103 p.

УДК 811.111'276.45'373.23(450 –73)

БАКАЛИНСКИЙ М. Л., ГОРАНОВА Ю. В.
(Запорожский национальный университет)

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ИТАЛО-АМЕРИКАНСКОЙ МАФИИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В статье исследуется языковой портрет итало-американской мафии с точки зрения социолингвистики и антропологи в рамках эволюционного и функционального подходов к изучению явлений языка и культуры.

Ключевые слова: итало-американская мафия, социокультурная система, самоидентификация, язык мышления, языковой портрет, билингвизм, языковой репертуар, социолект.

Бакалінський М. Л., Горанова Ю.В. Мовний портрет італо-американської мафії: соціолінгвістичні і антропологічні спостереження. У статті досліджується мовний портрет італо-американської мафії з точки зору соціолінгвістики і антропології в рамках еволюційного і функціонального підходів до вивчення явищ мови і культури.

Ключові слова: італо-американська мафія, соціокультурна система, самоідентифікація, мова мислення, мовний портрет, білінгвізм, мовний репертуар, соціолект.

Bakalinsky M. L., Goranova J. V. La Cosa Nostra Language Identity: Sociolinguistic and Anthropological Survey. The article analyzes self identity of La Cosa Nostra, the American Mafia, from sociolinguistic and anthropological perspectives, with evolutionary and functional approaches to language and culture studies taken into consideration.

Key words: La Cosa Nostra, social culture, self identify, mental language, language identity, bilingualism, language repertoire, social dialect.

Современная гуманитарная наука, составной частью которой является языкознание, характеризуется полипарадигматичностью – существованием различных концепций, школ и учений, формирующие в совокупности холистическое видение главного объекта этих дисциплин – человека, который, как охарактеризовал его современный философ С. С. Хоружий, есть точка пересечения всех бытийных горизонтов [цит. по: Махачашвили 2008, с. 110].

Изучение человека через его язык, как еще в 50-е гг. XX в. охарактеризовал задачу лингвистики Э. Бенвенист, в начале XXI стало приоритетным направлением для языковедов и получило название антропоцентризм [Багаутдинова 2007, с. 1] или антропологизм [Аносов 2008, с. 9 – 10] – направление, зиждущееся на синтезе всех наук о человеке, в том числе и нелингвистических. Тем не менее, антропоцентрический подход к изучению языковых параметров на практике сводится к изучению отражения в языке категорий ментального уровня. Однако человек, есть точкой пересечения всех бытийных координат, которые формируют его культуру как целостную систему, а сознание является лишь ее психосоматическим выражением и не может претендовать на звание “зеркала культуры” [Уайт 2004, с. 141, 151, 161]. Формами объективации человеческого бытия являются социальность и культурность [Уайт 2004, с. 135]: это потребность в организации, в порядке и в согласии с другими людьми, т.е., потребность в обществе, а также потребность в интеллектуальном развитии, духовности и творчестве, т.е., потребность в культуре. Исследование человеческого бытия предполагает анализ его “композиционной структурности”, соотносительности его взаимоопосредованных частей, которые обеспечивают воспроизводство социальной целостности [Комадорова 2001, с. 33].

Изучением культуры общества во всех ее проявлениях, в том числе и языка, как одного из важнейших ее составляющих, занимается антропология. У представителей отечественной науки

исследования антропологического характера очень часто ассоциируются с исследованиями культур первобытных или традиционных обществ, однако К. Леви-Стросс, размышляя о судьбе антропологии на современном этапе, отмечал, что накопленные знания и инструментарий ученых можно применить, изучая западную цивилизацию, которая с каждым днем все более и более усложняется и распространяется по всему свету, она начинает проявлять признаки острых различий, которые всегда были предметом именно антропологии [Леви-Стросс 1994, с. 35 – 36].

Объектом предлагаемого исследования является итало-американская мафия: ее социолект, языковой репертуар и социокультурная система. *Предметом* выступает изменение языкового портрета итало-американской мафии на фоне эволюции ее социокультурной системы в рамках интеграции в общество США. *Материалом* исследования стали лексико-фразеологические единицы социолекта итало-американской мафии.

Языковой портрет – это человек или группа, рассматриваемые с точки зрения их способности совершать речевые действия – порождение и понимание высказываний. Внимательно вслушиваясь в речь людей, наблюдая их в разных коммуникативных ситуациях, мы можем составить портрет языковой личности или целого языкового коллектива. О значении лингвистики для гуманитаристики в целом основатель социальной антропологии Б. Малиновский писал, что исследования речевой деятельности должны ориентироваться на социологию [Malinowski 1937, с. 172 – 173] (здесь и далее перевод наш, М.Б., Ю.Г.), но, поскольку наша задача состоит не в социологическом, а именно антропологическом анализе, мы намерены использовать вместе с инструментарием лингвистической и социально-культурной антропологии (многофакторный анализ [Комадорова 2001, с. 31]) метод культурно-исторической диагностики языка [Яковлева 1998, с. 43] и разработанный нами “метод культурно-функциональной диагностики языка” [Бакалинський 2011, с. 58] на основе принципа “челночной процедуры” [Алефиренко 2006, с. 104], т.е., путём попеременного перехода от одной науки к другой.

Итало-американская мафия – это крупнейший и наиболее влиятельный синдикат в криминальном мире США, который, будучи социальным организмом, развивался по общим законам этногенеза [Бакалинский 2009]. В ходе эволюции у итало-американской мафии сформировался собственный социолект, поэтому, с точки зрения социолингвистики она приобрела черты такого образования как “языковая группа” – элемент социальной структуры, характеризующийся определенными языковыми признаками [Gumperz 2001, с. 43].

В советской социолингвистике теория языковых групп была переработана и усовершенствована А.Д. Швейцером, который рассматривал понятие “языковая группа” как родовое и выделял два видовых понятия “языковую общность” – “социальную и социально-демографическую категорию населения многоязычной страны, которая характеризуется как социальными, так и языковыми признаками” и “языковой коллектив” – “носители будто, диалектов и говоров” [Швейцер 2009, с. 73]. Поскольку итало-американская мафия выступает носителем собственного социального диалекта, то в соответствии с классификацией языковых коллективов А.Д. Швейцера, она является языковым коллективом. В соответствии с теорией рамок, кроме социальной идентификации для членов итало-американской мафии характерное также такое явление как “этническая идентичность” [Diarmait 2003, с. 26]: помимо своей принадлежности к криминальному миру США, мафиози являются выходцами из итальянской диаспоры США; итальянская диаспора в США – это эмигранты из материковой Италии и о-ва Сицилия, т.е., носители итальянского языка. Таким образом, с т.з. социолингвистики это означает, что члены итало-американской мафии выступают в качестве носителей двух языков – английского и итальянского.

Тот факт, что члены итало-американской мафии являются билингвами, позволяет нам для определения ее статуса использовать термин У. Вайнрайха “биллингвальная языковая группа” [Weinreich 1974]. Ученый отмечал, что в случае, если представители одной языковой группы владеют другим языком и разделяют культурные ценности носителей другого языка, представители такой группы образуют биллингвальную языковую группу. Итало-американские мафиози не только владеют английским языком, но имеют в своей социокультурной системе символы, изоморфные с символами культуры США [Bakalinsky 2009, с. 21 – 23] что, в свою очередь, отвечает критериям У. Вайнрайха. Тем не менее, поскольку в представленном исследовании используется более точная классификация языковых групп А.Д. Швейцера, в соответствии с которой итало-американская мафия является языковым коллективом, мы предлагаем для определения статуса итало-американской мафии с учетом билингвизма ее членов использовать термин “биллингвальный языковой коллектив”.

Итало-американская мафия образовалась на основе традиций сицилийской мафии (речь идет не

только о происхождении ее членов, но и о ее социокультурной системе), а это значит, что первыми ее членами были бывшие мафиози с о-ва Сицилия, которые привезли в США не только социокультурную систему, но и собственный социолект, который был положен в основу социолекта итало-американской мафии: как показал диахронический анализ фактического материала, на период 20-х – 30-х гг. XX ст. большинство единиц социолекта итало-американской мафии, выступающих в качестве носителей культурной информации, т.е. ключевых единиц [Вежбицкая 2001], были инкорпорированы из итальянского языка, а именно из социолекта сицилийской мафии; такие единицы мы предлагаем называть “*мафиолектизмами*” (от *Mafia* – “Мафия” – название сицилийской мафии). Примерами мафиолектизмов, выступающих в качестве ключевых единиц социолекта итало-американской мафии, являются *La Cosa Nostra* [Mobspeak 2003, с. 49] – *итало-американская мафия*; *amico gli amici* [Puzo 2001, с. 334] – *член мафии*; *farri vagnari a pizzu* [Puzo 2001, с. 197] – *получать прибыль* и т.д.

Однако исследование показало, что в процессе развития социолекта итало-американской мафии для номинации большинства ключевых понятий и явлений мафиози стали параллельно использовать единицы английского языка: например, *итало-американская мафия*: *La Cosa Nostra* [Mobspeak 2003, с. 49] – *the thing of ours* [Boss of Bosses 2001]; *глава наиболее влиятельной криминальной “семьи”*: *capo di capi* [Mobspeak 2003, с. 30] – *boss of bosses* [Boss of bosses 2001]; *глава ячейки в составе криминальной криминальной “семьи”*: *capo* [Mobspeak 2003, с. 30 – 31] – *captain* [Puzo 2001, с. 212]; *член мафии*: *amico gli amici* [Puzo 2001, с. 334] – *the friend of the friends* [The Godfather 1990]; *получать прибыль*: *farri vagnari a pizzu* [Puzo 2001, с. 197] – *to wet one's beak* [Godfather 1990]. При этом значение единиц итальянского языка и их англоязычных соответствий полностью совпадает: они являются абсолютными синонимами.

Рассмотрим полученные данные с позиции антропологии (лингвистической и социально-культурной). Объяснением того, что на начальном этапе развития итало-американской мафии ключевыми единицами ее социолекта были мафиолектизмы может быть то, что итало-американскую мафию создали в 20-е гг. XX ст. мафиози первого поколения, которые не владели английским языком, а, как известно, каждое последующее поколение стремится все большее адаптироваться к культуре и языку той страны, в которой они родились. Тот факт, что в период с 20-х по 30-е гг. XX ст. языковыми единицами, которые называют основные понятия, были слова и выражения итальянского языка, говорит о том, что в этот период доминирующим языком был итальянский. Билингвизм, при котором один из двух будто есть доминирующей, называется *субординативным* [Gasse 1973, с. 302]. В процессе развития социокультурной системы итало-американской мафии и ее социолекта на основе единиц итальянского языка начинают образовываться англоязычные соответствия, при этом слова и выражения итальянского происхождения не вышли из употребления. Т.е., оба языка – итальянский и английский – стали использоваться параллельно. Такой вид билингвизма называется *координативным билингвизмом* – двуязычием, при котором нет доминирующего языка, другими словами, говорящий одинаково владеет обоими языками [Gasse 1973, с. 303].

По словам Э. Сепира, язык играет роль в становлении и развитии национального сознания [Sapir 1939]. Приведенная цитата позволяет прокомментировать явления субординативного и координативного билингвизма итало-американских мафиози и перехода от одного к другому следующим чином: субординативный билингвизм в период с 20-х по 30-е гг. XX ст. говорит о том, что на тот момент итальянский язык был “языком мышления” (*mental language*) [Pandharipande 2002] – языком, категории которого используются во время процесса ментальной деятельности. В этой связи следует обратить внимание на мафиолектизм *La Cosa Nostra*. Приведенная единица является этнонимом, а точнее – “эндоэтнонимом” [Бромлей 2008, с. 46] – самоназванием.

Одно из фундаментальных положений антропологии гласит, что наличие эндоэтнонима предполагает существование у социального организма самоидентификации [Бромлей 2008, с. 48]. Языковая единица *La Cosa Nostra* является мафиолектизмом, значит – словом итальянского происхождения, а, следовательно, в период с 20-х к 30-х гг. XX ст. самоидентификация членов итало-американской мафии была итальянской (с точки зрения антропологии – этнической) с итальянским языком как языком мышления. Образование же англоязычного соответствия эндоэтнонима *La Cosa Nostra* – *The Thing of Ours* – можно интерпретировать как изменение самоидентификации членов мафии: намечается переход от этнической (итальянской) самоидентификации к социально-этнической: итало-американская мафия постепенно выделяется из итальянской диаспоры, приобретая черты отдельной социальной группы в составе общества США. Данный факт можно

охарактеризовать как одно из проявлений начала процесса “энкультурации” [287] – вхождения итало-американской мафии в социокультурное пространство общества США. Соответственно, языком мышления мафиози становится английский язык.

Тот факт, что имело место начало процесса энкультурации итало-американской мафии и получение английским языком статуса “языка мышления” мафиози, подтверждается следующим наблюдением: в конце 20-х гг. XX ст. итало-американская мафия начала расширение своей противозаконной деятельности по территории США из своих центров в Нью-Йорке, Нью-Джерси (территория так называемых “5 Семей” [Davis 1994, с. 51]) и Чикаго (территория, которая подпадает под контроль чикагских мафиози, ведущих довольно автономную жизнь от итало-американских “семей” других регионов [Puzo 2001, с. 216]). Расширение сфер влияния происходило в 3-х направлениях: на запад (штаты Невада и Калифорния), на юго-запад (юг штата Техас на границе с Мексикой) и на юго-восток (штат Флорида); на этих территориях, помимо “исторических центров” итало-американской мафии, сформировались соответствующие региональные варианты ее социолекта – нью-йоркско-нью-джерсский, чикагский, западный, южно-техасский, флоридский [Бакалинський 2011, с. 71 – 75]. Таким образом, статус итало-американской мафии как билингвального языкового коллектива изменялся в процессе ее развития. По результатам исследования можно говорить о 3 основных этапах формирования ее языкового портрета с учетом изменения самоидентификации ее членов:

первый этап – самоидентификация этническая (мафиози – члены итальянской диаспоры в США); этап субординативного билингвизма: языки общения – итальянский и английская; язык мышления – итальянский, т.к. ключевыми единицами и эндотнонимами выступали единицы социолекта сицилийской мафии (*мафиолектизмы*);

второй этап – самоидентификация социально-этническая (постепенное выделение итало-американской мафии из итальянской диаспоры в отдельный социальный организм в составе общества США); этап координативного билингвизма: языки общения – итальянский, английский; языки мышления – итальянский, английский; образование на основе эндотнонимов-мафиолектизмов англоязычных соответствий;

третий этап – самоидентификация этносоциальная (завершение формирования итало-американской мафии как отдельного социального организма); этап субординативного билингвизма; языки общения – итальянский, английский; язык мышления – английский; на фоне использования лексико-фразеологических единиц итальянского языка наблюдается образование региональных вариантов социолекта итало-американской мафии с доминированием англоязычных лексических и фразеологических единиц.

Однако следует отметить, что определение статуса итало-американской мафии как билингвального языкового коллектива не в полной мере характеризует ее как языковой коллектив. Поскольку представленное изыскание носит междисциплинарный (а именно антропологический) характер, что предусматривает применение методов нелингвистических наук, обратимся к методам таких антропологических дисциплин как *этнодемография* (разновидность демографии, изучающая этнический состав населения) и *социально-культурная антропология* (наука о различных этносах и их взаимодействии в обществе). С одной стороны, билингвальный статус итало-американской мафии есть показателем того, что мафиози являются выходцами из итальянской общины США, т.е., представителями определенного *этнического организма*; это взгляд с точки зрения этнодемографии. С другой стороны, итало-американская мафия, обладая выраженными чертами этнической идентичности, в процессе эволюции приобрела черты социальной группы в составе общества США (общая экономическая деятельность, собственная социокультурная система, региональная особенность), что, с точки зрения социально-культурной антропологии позволяет отнести ее к “*этносоциальным организациям*” – образованиям, которые кроме этнокультурной общности характеризуются территориальной, географической и экономической общностью в составе большего общества [Бромлей 2008, с. 63] (в нашем случае, общества США). Языком общества США, в соответствии с Конституцией США, является английский язык (точнее, американский вариант английского языка). Поскольку итало-американские мафиози не живут изолировано от остального общества США, это означает, что они используют в узусе также и языковой единицы, характерные для остальных субъектов общества США: единицы общего сленга США и американского языкового стандарта.

Совокупность языковых средств, вариантных и инвариантных, вместе с диалектом (социальным или территориальным), которыми пользуется определенный языковой коллектив,

называется “языковым репертуаром” [Швейцер 2009, с. 71]. С точки зрения социально-культурной антропологии итало-американская мафия, имея все признаки этнического организма, в составе общества США является этносоциальным организмом, а именно – криминальной малой социальной формальной группой. Следовательно, ее языковой репертуар состоит не только из единиц итальянского языка, социолекта сицилийской мафии и собственного социолекта, а дополняется единицами криминального социолекта США и американского языкового стандарта.

А.Д. Швейцер, анализируя изыскание Т.С. Коготковой, отмечал, что для определения типа языковой ситуации в одном языковом коллективе, которая характеризуется объединением местного говора с литературным языком, ученый предложила термин “диалектно-литературное двуязычие” [Швейцер 2009, с. 76 – 77]. В случае с языковым репертуаром итало-американской мафии мы имеем похожую ситуацию: сочетание единиц собственного социолекта с единицами американского языкового стандарта; но, если Т.С. Коготкова в своем исследовании анализировала использование литературного языка в сочетании с территориальным диалектом (поэтому она и предложила использовать термин “*диалектно-литературная двуязычие*”), в нашем случае речь идет об использовании литературного языка с социальным диалектом (социолектом). На основании этого статус итало-американской мафии с такой точки зрения можно определить как языковой коллектив с социолектно-литературным двуязычием. Тем не менее, поскольку в языковом репертуаре итало-американской мафии представлены также единицы криминального социолекта США (т.е., единицы одного социолекта дополняются единицами другого), считаем целесообразным сделать уточнение относительно итало-американской мафии как языкового коллектива: с точки зрения социолингвистики и этнодемографии итало-американская мафия является “*билингвальным языковым коллективом*”, а с точки зрения социолингвистики и социально-культурной антропологии итало-американская мафия является “*языковым коллективом с бисоциолектно-литературным двуязычием*”.

Исследование показало, что в языковом репертуаре итало-американской мафии использование единиц собственно социолекта мафии и криминального социолекта США имеет следующие закономерности: единицы собственно социолекта мафии используются для номинации общекриминальных понятий и предметов параллельно с единицами криминального социолекта США. Например, для названия преступной группировки в криминальном социолекте США используется лексема *ring* [Cop talk 2000, с. 85]; эта же лексема используется в итало-американскими мафиози, но лишь при общении с представителями неитальянских криминальных синдикатов или группировок [Find me guilty 2003]. Другие примеры двойной номинации: *женищина легкого поведения*: криминальный социолект США – *hooker* [Mobspeak 2003, с. 95]; собственно социолект мафии – *cruiser* [Mobspeak 2003, с. 52], *gumata* [Pistone 2004, с. 53]; *преступник неитальянского происхождения, работающий на итало-американскую мафию*: криминальный социолект США – *associate* [Dannen 2002]; собственно социолект мафии – *connected guy* [Mobspeak 2003, с. 44 – 45], *cugine* [Pistone 2004, с. 125] и т.д.

Поскольку представленное исследование зиждется на положениях антропологической науки, которая имеет целью выявить причины социального и культурного бекейвиоризма и объяснить их, необходимо, прежде всего, обнаружить детерминанты указанного явления путем применения метода культурно-функциональной диагностики языка. Итало-американская мафия, хотя и входит в состав, криминального мира США, занимает в нем особое место. Эта “особенность” проявляется в собственной этнической и, что главное, социальной идентификации членов итало-американской мафии; данная социальная идентификация ведет к созданию определенного барьера с другими представителями криминального мир США.

В антропологической науке наличие у социальных или этнических групп различных барьеров с “внешним миром” называется “этническими” или “антропологическими границами” [Этнические группы и социальные границы 2006, с. 29]. Антропологические границы существуют не только на социально-культурном, но и на языковом уровне. Э. Сепир писал, что для большинства людей утверждение “Он говорит как мы” равнозначное утверждению “Он один из наших” [Сепир 2002, с. 232]. Перефразируя приведенную мысль, можно сделать вывод, что для того, чтобы стать “одним из наших” нужно “говорить как мы”. Таким образом, можно предположить, что использование итало-американскими мафиози единиц криминального социолекта США, является примером создания антропологических границ путем актуализации метаязыковой функции языка, под которой понимается “проверка того, используют ли носители языка один и те же код” [Якобсон 2002 с. 471]. Исходя из этого, можно заключить, что, используя единицы криминального социолекта США,

мафиози проверяют, принадлежит ли говорящий к преступному миру США. Такую “проверку” мы предложили называть “метаязыковой функцией первого порядка” [Бакалінський 2011, с. 39]. Справедливо будет заключить, что, используя единицы собственного социолекта, мафиози проверяют, принадлежит ли говорящий непосредственно к итало-американской мафии (например, если имеют дело с представителем криминальной “семьи” из другого города или штата, с которым встречаются впервые). Это явление было предложено называть “метаязыковой функцией второго порядка” [Бакалінський 2011, с. 39] соответственно.

Б.А. Ларин отмечал, что социальный вариант языка, которым пользуются преступники, являются первичной языковой системой для преступной социальной группы [Ларин 1977, с. 186]. Однако, как показало исследование, для итало-американских мафиози первичной языковой системой является их собственный социолект, а криминальный социолект США, как родовая языковая разновидность всех преступных группировок США, используется в качестве вторичной языковой системы. Этому заключению следует дать объяснение. На основе теории антропологических границ была разработана теория физического и социального пространства, в соответствии с которой, физическое пространство – это среда проживания, а социальное пространство – это абстрактное пространство, пространство, в котором сконцентрированы блага и все достижения общества [Бурдые 1993]. В случае с итало-американскими мафиози, их физическим пространством будет криминальный мир США, а социальным пространством – собственно мафия. Исходя из этого, мафиози используют единицы криминального социолекта США в рамках физического пространства, а в рамках социального пространства используют единицы своего социолекта. Иными словами, употребление в узусе мафиози для называния общекриминальных понятий языковых единиц их собственного социолекта и криминального социолекта США есть манифестация антропологических границ перед одним из указанных типов пространства мафиози.

Говоря о социальном пространстве, Н.Л. Виноградова отмечает, что оно существует, будучи выраженным в определенных формах, одной из которых является слово; именно в слове, выступающем в качестве посредника между субъектами социальных отношений, виднеется социальное пространство [Виноградова 2005, с. 50 – 51]. С позиции теории социальных диалектов вышеуказанное утверждение можно интерпретировать следующим образом: такими словами в социальном диалекте выступают именно социально-маркированные единицы – *социолектизмы*, а не профессионально-маркированные – профессионализмы.

Объясним вышеуказанное утверждение. В одном из предыдущих исследований нами было сделан вывод, что итало-американская мафия из профессиональной группы эволюционировала в социальную, а, в соответствии с учением о социально-культурном детерминизме лингвогенеза [Voas 1922, с. 149 – 151; Malinowski 1994, с. 10], диалект итало-американской мафии эволюционировал из профессионального в социальный [Бакалінський 2011, с. 92]: его характер из ситуативного трансформировался в ситуативно-абстрактный за счет появления единиц, называющих “непрофессиональные” (некриминальные) понятия, а также ключевых слов, содержащих информацию о социокультурной системе самой итало-американской мафии. Теперь попробуем применить это утверждение к региональным вариантам социолекта итало-американской мафии. Использование метода культурно-функциональной диагностики выявило следующую закономерность: южно-техасский, западный и флоридский региональные варианты социолекта итало-американской мафии не имеют “локатизмов” (единиц диалектичного происхождения, аломорфных для других регионов [Ерофеева 2005, с. 141]) для называния “непрофессиональной” деятельности мафиози; обнаруженные единицы ограничиваются номинациями исключительно “профессиональной” деятельности мафиози:

– *флоридские локатизмы*: *umbrella man* – мафиозо, взимающий деньги с предпринимателей за предоставляемую им “защиту” [Mobspeak 2003, с. 219]; *character* – профессиональный вор;

– *южно-техасские локатизмы*: *rollin' stolens* – угнанное авто [Cop talk 2000, с. 86]; *shopper* – мафиозо, занимающийся угоном грузовых автомобилей [Cop talk 2000, с. 92];

– *западные локатизмы*: *pig* – продажный полицейский [Cop talk 2000, с. 76].

Таким образом, корпус локатизмов южно-техасского, западного и флоридского региональных вариантов социолекта итало-американской мафии состоит лишь из *социальных профессионализмов*, а это лишь часть корпуса *социального диалекта*. Отличительным признаком собственно “диалектов” (в том числе и социальных) от других языковых разновидностей является то, что они используются практически во всех условиях и являются носителями информации о социокультурной системе социальной группы-носителя [Петренко 1998, с. 29 – 30; Радченко, Закуткина 2004, с. 37]. Локатизмы

южно-техасского, западного и флоридского региональных вариантов социолекта мафии являются профессионализмами, т.е. с антропологической т.з. выступают маркерами лишь базовых черт социокультурной системы этноса, т.е. – социального символизма [Басин, Красов 1971]: профессиональная деятельность как проявление самоидентификации, профессиональная дистанция (причем, не “социальная дистанция” [Басин, Красов 1971, с. 168]) и, как результат, дихотомия “СВОЙ :: ЧУЖОЙ”, но только по профессиональному признаку. Усложнение организации является характерной чертой эволюции [Комадорова 2001, с. 31], а это означает, что южно-техасский, западный и флоридский региональные варианты социолекта итало-американской мафии являются не социальными, а скорее *профессиональными диалектами* – языковыми разновидностями более низкого порядка с точки зрения теории лингвогенеза.

В тоже время в других региональных вариантах социолекта итало-американской мафии – нью-йоркско-нью-джерском и чикагском – среди локатизмов присутствуют не только профессионализмы, но и *социолектизмы*, а именно – ключевые языковые единицы, в значениях которых содержится информация непосредственно о социокультурных системах социальных организмов, являющихся их носителями. Так, ключевыми единицами нью-йоркско-нью-джерского регионального варианта социолекта итало-американской мафии, являются: *Castellammarese War* [Mobspeak 2003, с. 34] – становление понятия “итало-американская мафия” (от названия войны между криминальным группировками итальянского происхождения в Нью-Йорке 1930-31 гг.); *Peace makers* [Analyze this 1999] – обобщенное название наиболее влиятельных криминальных “семей” Нью-Йорка, следящих за порядком в мире организованной преступности; *respecting blue* [Mobspeak 2003, с. 175 - 176] – правило, согласно которому, не смотря на всю неприязнь к правоохранительным органам, итало-американским мафиози Нью-Йорка и Нью-Джерси запрещено убивать полицейских (кроме тех, которые работают под прикрытием); *the Martial Law* [Fisher 2002] – одно из главных правил, по которому убивать простых граждан строго запрещено (убивать можно кого угодно, только не невинных людей [Last Man Standing 1996]); *Five Families* [The Godfather 1972] – обобщенное название нью-йоркской итало-американской мафии (от количества наиболее влиятельных криминальных “семей”).

Некоторыми ключевыми единицами чикагского регионального варианта социолекта итало-американской мафии, являются: *cop killers* [the Untouchables 1987] – чикагские мафиози, известные именно тем, что убивают патрульных и начальников полицейских управлений; *Chicago rules* [Mobspeak 2003, с. 37] – жестокие правила чикагских мафиози, согласно которым насилию подлежат даже простые граждане; *Capone Bible* [Mobspeak 2003, с. 31] – клятва верности, которую приносили новые члены мафии, но клятву верности не “семье”, а самому Альфонсу Капоне; *Chicago amnesia* [Mobspeak 2003, с. 36] – печально известная практика чикагских мафиози запугивать или убивать свидетелей во время судебных процессов.

Любая форма социальной организации, по словам С.Г. Климовой, возникает вокруг некой культурной модели [Климова 2002, с. 93]. Культурной модель общества (его культура) состоит из базиса – *социального символизма* – и надстройки, представленной *этосом* – характером и стилем жизни людей, отличительными особенностями их этики и эстетики – и *картиной мира* – всеобъемлющими идеями людей об устройстве мироздания [Гирц 2004, с. 149 – 150]. Социокультурные системы криминальных “семей”-носителей южно-техасского, западного и флоридского региональных вариантов социолекта итало-американской мафии представлены только социальным символизмом, в то время, как социокультурные системы криминальных “семей”-носителей нью-йоркско-нью-джерского и чикагского региональных вариантов социолекта итало-американской мафии представлены, как этосом, так и картиной мира, которые вербализовались в их ключевых единицах. (Тем не менее, важно отметить, что социокультурные системы криминальных “семей” Флориды, Техаса и Калифорнии все же имеют и этос, и картину мира, но данные компоненты не имеют черт партикуляризма, а носят “общемафиозный” характер).

Указанное означает, что криминальные “семьи” Флориды, Техаса и Калифорнии формируют только собственное физическое пространство, а криминальные “семьи” Нью-Йорка, Нью-Джерси и Чикаго формируют как собственное физическое, так и собственное социальное пространство. Исходя из этого, носители южно-техасского, западного и флоридского региональных вариантов социолекта итало-американской мафии являются профессиональными группами, а носители нью-йоркско-нью-джерского и чикагского региональных вариантов указанного социолекта – социальными группами. Переложив полученные данные в плоскость учения о языковом коллективе, имеем следующие результаты: поскольку все перечисленные криминальные “семьи” обладают собственными

языковыми системами – региональными вариантами одного социального диалекта – их можно классифицировать как “языковые коллективы”, но со следующей оговоркой на основе их социально-культурного статуса: криминальные “семьи”-носители южно-тexasского, западного и флоридского региональных вариантов социолекта итало-американской мафии являются **языковыми профессиональными коллективами**, а криминальные “семьи”-носители нью-йоркско-нью-джерского и чикагского региональных вариантов упомянутого социолекта – **языковыми социальными коллективами**. Следовательно, итало-американская мафия как языковой коллектив структурируется различными языковыми коллективами меньшего порядка, отличающихся друг от друга уровнем развития, как культурного, так и языкового.

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что языковой портрет итало-американской мафии можно описать следующим образом: итало-американская мафия с точки зрения социолингвистики и этнодемографии является **билингвальным языковым коллективом**, а с точки зрения социолингвистики и социально-культурной антропологии – **языковым коллективом с бисоциолектно-литературным двуязычием**; в состав языкового репертуара итало-американской мафии входят единицы двух социолектов (лексико-фразеологические единицы собственного социолекта и криминального социолекта США), а также лексические и фразеологические единицы общеупотребительного итальянского языка и американского языкового стандарта.

Эволюция итало-американской мафии как билингвального языкового коллектива, как показала культурно-историческая диагностика ее социолекта, происходила в три этапа: 1) субординативный билингвизм с итальянским языком как “языком мышления” (ключевые единицы и эндоэтнонимы – единицы социолекта сицилийской мафии (“*мафиолектизмы*”)); 2) координативный билингвизм – обретение английским языком статуса “языка мышления” наравне с итальянским (образование на основе мафиолектизм и эндоэтнонимов англоязычных соответствий); 3) субординативный билингвизм с английским языком как “языком мышления” (на фоне использования слов и выражений итальянского происхождения наблюдается образование региональных вариантов социолекта итало-американской мафии с доминированием англоязычных лексических и фразеологических единиц).

Культурным детерминантом изменения статуса итало-американской мафии как билингвального языкового коллектива стало изменение самоидентификации ее членов: 1) *этническая* (мафиози – члены итальянской диаспоры в США); 2) *социально-этническая* (постепенное выделение итало-американской мафии из итальянской диаспоры США в отдельный социальный организм в составе общества США); 3) *этносоциальная* (завершение формирования итало-американской мафии как отдельного социального организма – криминальной малой социальной формальной группы).

Итало-американская мафия как языковой коллектив структурируется языковыми коллективами меньшего порядка, находящимися на разных этапах культурно- и лингвогенеза: в ее состав входят *два языковых социальных коллектива* (криминальные “семьи”-носители нью-йоркско-нью-джерского и чикагского региональных вариантов социолекта итало-американской мафии) и *три языковых профессиональных коллектива* (криминальные “семьи”-носители нью-йоркско-нью-джерского и чикагского региональных вариантов упомянутого социолекта). Применение метода культурно-функциональной диагностики языковых единиц показало, что социальные языковые коллективы Нью-Йорка, Нью-Джерси и Чикаго являются носителями собственных социальных диалектов, формируют собственное социальное пространство, а их социокультурные системы представлены социальным символизмом, этосом и картиной мира; профессиональные языковые коллективы штатов Флорида, Тесах и Калифорния являются носителями профессиональных диалектов, формируют только собственное физическое пространство, а их социокультурные системы представлены только партикулярным социальным символизмом и универсальным для мафии этосом и картиной мира.

Культурно-функциональная диагностика языковых единиц показала, что компоненты языкового репертуара итало-американской мафии выступают маркерами ее этносоциального статуса: единицы общеупотребительного итальянского языка являются маркерами этнического происхождения мафии; единицы социолекта сицилийской мафии говорят о культурной памяти, хранящейся в социокультурной системе итало-американской мафии; единицы собственного социального диалекта свидетельствуют о том, что итало-американская мафия имеет черты социальной группы; единицы криминального социолекта США являются маркерами принадлежности итало-американской мафии к криминальному миру США; единицы американского языкового стандарта свидетельствуют о том, что итало-американская мафия в результате энкультурации стала частью материнского общества США.

Наличие в языковом репертуаре итало-американской мафии социолектизм,

функціонуючих в якості заміників криміналізмів, свідечує про існуванні чітких антропологічних (культурних) меж між нею і рештою кримінальним світом США на соціокультурному і мовному рівнях. Зазначені явища було запропоновано називати “метаязыковой функцією першого порядку” і “метаязыковой функцією другого порядку” відповідно. Кримінальний соціолект США функціонує в якості вторинної мовної системи мафіози, а соціолект італо-американської мафії – первинної. Відповідно до теорії соціального і професійного простору, мафіози використовують кримінальний соціолект США в своєму професійному просторі, а власний соціолект – в соціальному.

Перспективою подальших досліджень є більш детальний аналіз мовної і соціально-культурної ситуації в італо-американській мафії в межах загального напрямку сучасної антропології “етнізація в контексті глобалізації”, а також застосування запропонованої схеми для вивчення різних етнічних організацій, їх діалектів і мовних репертуарів в цілому в контексті національних культур і мов.

Література

- Алефиренко Н. Ф. Когнітивно-семиологічна теорія слова / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Самарського Державного університету. Серія Языкознание. – 2006. – № 5 (1). – С. 102 – 110. Аносов І. П. Методолого-антропологічні рецепції сучасних досліджень германістики, мови, людини / І. П. Аносов // Сучасні тенденції розвитку та дослідження германських мов: I Всеукр. науково-практичн. конф., 19 вер. 2008 р.: матеріали конф. – Мелітополь, 2008. – С. 8 – 10. Багаутдінова Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: автореф. дис. на получение степени докт. филол. наук: спец. 10.02.20 „сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание” / Г. А. Багаутдінова. – Казань, 2007. – 35 с. Бакалинський М. Л. Розвиток і функціонування лексикону організацій злочинних угруповань в США: дис. ... кандидата філолог. наук: 10.02.04 / Михайло Лівусович Бакалинський. – Запоріжжя, 2011. – 243 с. Бакалинський М. Изучение эволюции социокультурной системы итало-американской мафии путём культурно-исторической диагностики ее социолекта / М. Бакалинський // С. Демирел атындағы университеттің хабаршысы. Ғылыми журнал. – Алматы: С. Демирел атындағы университеттің, Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов [Электронный ресурс] / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с. – Режим доступа: <http://www.author-edu.ru/drupal/?q=node/2195#6>. Виноградова Н.Л. Социальное пространство и социальное взаимодействие / Н. Л. Виноградова // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2005. – № 2. – С. 39 – 54. Басин Е. Я., Краснов В. М. Социальный символизм / Е. Я. Басин, В. М. Краснов // Вопросы философии. – 1971. – № 10. – С. 164 – 172. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей / Послел. Н. Я. Бромлей. Изд. 2-е, доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 440 с. Бурдые П. Социология политики [Электронный ресурс] / Бурдые П.; пер. с фр. сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336 с. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Burd/index.php. Виноградова Н. Л. Социальное пространство и социальное взаимодействие / Н. Л. Виноградова // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2005. – № 2. – С. 39 – 54. Гириц К. Интерпретация культур / К. Гириц; пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 560 с. Ерофеева Т. Пермская социолінгвістическа школа: ітоги і перспективи дослідження / Т. Ерофеева // Rossica Olomucensia. – 2005. – No. XLIV. – S. 139 – 144. Климова С. Г. Критерии определения групп «Мы» и «Они» / С. Г. Климова // Социологические исследования. – 2002. – № 6. – С. 83 – 95. Комадорова И. В. Культура как социальный феномен в символической антропологии Л. А. Уайта / И. В. Комадорова. – М.: Издательство Московского университета, 2001. – 199 с. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание / Б. А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. / К. Леви-Стросс. Пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. – М.: Республика, 1994. – 384 с. Махачашвілі Р. К. Лінгвофілософські параметри інновацій англійської мови в технічній сфері сучасного буття: Монографія / Р.К. Махачашвілі. – Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2008. – 204 с. Петренко А. Д. Соціофонетическа варіативність сучасного німецького мови в Німеччині. – Монографія / А. Д. Петренко. – К.: Рідна мова, 1998. – 221 с. Радченко О. А., Закуткіна Н. А. Діалектна картина світу як ідіоетнічний феномен / О. А. Радченко, Н. А. Закуткіна // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25 – 48. Сепіур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепіур; пер. с англ. [под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика]. – 2-е издание. – М.: Прогресс, 2002. – 656 с. Швейцер А. Д. Современная социолінгвістика: Теорія, проблеми, методи / А. Д. Швейцер. Изд. 2-е. – М.: Книжний дім “ЛІБРОКОМ”, 2009. – 176 с. Уайт Л. Избранное: Наука о культуре / Л. Уайт; пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 960 с. Этніческіе группы и соціальные границы. Соціальная організація культурних різниць. Збірник статей [под ред. Ф. Барта]; пер. с англ. И. Пильщикова. – М.: Новое издательство. – 200 с. Якобсон Р. Лінгвістика і поезія / Р. Якобсон // Антологія світової літературо-критичної думки ХХ ст. [За ред. Марії Зубрицької]. 2-е вид., доповнене. – Львів: Літопис, 2002. – С. 465 – 487. Яковлева Е. С. О понятии “культурная память” в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 43 – 73. Bakalinsky M. L. Investigating status of la Cosa Nostra in context of U.S. culture: linguistic anthropology aspect / M. L. Bakalinsky // Romanian Journal of English Studies. – Timisoara : Editura Universitatii de Vest, 2009. – No. 6. – P. 18 – 26. Boas F. The Mind of Primitive Man / F. Boas. – N.Y. : The MacMillan Company, 1922. – 294 p. Diarmait M. G. C. Language, Identity and Conflict. A comparative study of language in ethnic conflict in Europe and Eurasia / M. G. C. Diarmait. – London: Routledge, 2003. – 244 p. Duranti A. Linguistic Anthropology / A. Duranti. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 398 p. Gasse Y. Contextual transposition in translating research instruments / Y. Gasse // Meta: Journal des Traducteurs. – 1973. – Vol. XVIII. – № 3. – P. 295 – 307. Gumperz J. J. The Speech Community / J. J. Gumperz // Linguistic Anthropology: A Reader [Ed. by Alessandro Duranti]. – Malden, MA: Blackwell, 2001. – p. 39 – 42. Malinowski B. The Dilemma of Contemporary Linguistics / B. Malinowski // Nature. – 1937. – vol. 140. – p. 172 – 173. Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages / B. Malinowski // Language and Literacy in Social Practice: A Reader / Ed. by Janet Maybin. – Clevedon, Avon, England; Philadelphia: Multilingual Matters in association with the Open University, 1994. – P. 1 – 10. Pandharipande R. V. Minority Matters: Issues in Minority Languages in India / R. V. Pandharipande // International Journal on Multicultural Societies. – 2002. – Vol. 4. – No. 2. – P. 213 – 234. Sapir E. Language: An Introduction to the Study of Speech [Электронный ресурс] / Е.

Sapir. – N.Y.: Harvest Books, 1939. – 252 p. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/12629/12629-h/12629-h.htm>.
Weinreich U. Languages in contact: Findings and problems / U. Weinreich. – The Hague: Mouton and Co. N.V., 1974. – 350 p.

Источники иллюстративного материала:

Analyze this: Analyze this. – 1999, Warner Bros. Pictures International, USA. – субтитры. *Boss of bosses: Boss of bosses* (2001). © TNT Originals, A Bleecker street films production, Warner Home video, USA. – субтитры. *Cop talk: Cop talk: a dictionary of police slang* [Ed. by C. Aaron and J. Lewis Poteet]. – Lincoln: Writers club press, 2000. – 144 p. *Dannen: Dannen F. The G-Man and a Hitman / F. Dannen // Mob. Stories of death and betrayal from organized crime* [Ed. by Clint Willis]. – N.J.: Listen & Live Audio, Inc. Roseland, 2002. – аудиокнига. *Last Man Standing: Last Man Standing* (1996). © New Line Cinema, USA. – субтитры. *Mobspeak: Mobspeak: the dictionary of crime terms* [Ed. by Carl Sifakis]. – N.Y.: Checkmark books, 2003. – 352 p. *Pistone 2004: Pistone J. K. The way of the wiseguy / J. K. Pistone.* – Philadelphia/L: Running Press, 2004 – 224 p. *Puzo: Puzo M. The Godfather / M. Puzo.* – N.Y.: New American Library, 2001. – 443 p. *The Godfather 1972: The Godfather* (1972). © Paramount Pictures, USA. – субтитры. *The Godfather 1990: The Godfather: Part III* (1990). © Paramount Home Entertainment, USA. – субтитры. *The Untouchables: The Untouchables* (1987). © Paramount Pictures, Art Linson Production, USA. – субтитры.

УДК 81'373.7-115(045)

БАЛАБАН О.О.

(Маріупольський державний університет)

СФЕРИ ВЖИВАННЯ АНГЛІЙСКИХ ТА РОСІЙСЬКИХ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ЕВФЕМІЗМІВ ТА ЇХ СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ

У статті представлено аналіз сфер вживання фразеологічних евфемізмів та їх семантичні особливості в англійській та російській мовах. Доведено, що традиційними сферами використання евфемізмів в англійській та російській мовах є побутова (яка є найчисельнішою), соціальна та релігійна (є найменш чисельною у двох мовах). Також визначено лексико-семантичні групи вживання евфемізмів у кожній із семантичних сфер. Зазначено, що евфемізм є не тільки мовним поняттям, але й культурним.

Ключові слова: евфемізми, евфемістичні засоби, фразеологічні евфемізми, семантична сфера, лексико-семантична група.

Балабан Е.А. Сфера употребления английских и русских фразеологических эвфемизмов и их семантические особенности. В статье представлен анализ сфер употребления фразеологических эвфемизмов и их семантические особенности в английском и русском языках. Доказано, что традиционными сферами употребления эвфемизмов в английском и русском языках являются бытовая, (которая является самой численной), социальная и религиозная (наименее численная в двух языках). Также определены лексико-семантические группы употребления эвфемизмов в каждой из семантичных сфер. Отмечено, что эвфемизм – это не только языковое понятие, а и культурное.

Ключевые слова: эвфемизмы, эвфемистические средства, фразеологические эвфемизмы, семантическая сфера, лексико-семантическая группа.

Balaban O.O. The sphere of usage of English and Russian phraseological euphemisms and their semantic peculiarities. The article gives the analysis of spheres of usage and their semantic peculiarities in English and Russian. It is proved that traditional spheres of usage of euphemisms in English and Russian are domestic (which is the most numerous), social and religious (which is the least numerous in two languages). It is also defined lexical and semantic groups of usage of euphemisms in each semantic sphere. It is marked that euphemism is not only a linguistic notion but also a cultural one.

Key words: euphemisms, euphemistic means, phraseological euphemisms, semantic sphere, lexical and semantic group.

Пошуки нової функціонально-мовленнєвої парадигми в останні роки викликали пильну увагу вчених до природи фразеологічних одиниць (ФО) як знаків вторинного найменування з потужним емоційно-експресивним та оцінним потенціалом, як репрезентантів матеріальної й духовної культури, показників особливостей асоціативно-образного мислення (І.В. Мілева 2005, О.О. Близнюк 2008, І.В. Решетилова 2010 та ін.). Серед таких відтворюваних, відносно стійких сполучень слів із цілісним значенням вирізняються евфемістичні вирази – замітники певних назв понять, прямі номінації яких у даній мовленнєвій ситуації є небажаними. Актуальність вивчення евфемії, по-перше, визначається тим, що останніми десятиріччями використання евфемізмів у різних жанрах відрізняється особливою інтенсивністю, вони отримують виключно широке поширення у суспільно важливих сферах мовної діяльності. Разом із явними процесами дисфемізації та детабуїзації у популярній культурі, евфемізація поширюється у серйозних сферах мовного відображення суспільно-політичних подій, стає важливим знаряддям пом'якшення представлення подій, які можуть викликати тривогу, побоювання і навіть суспільний протест. До того ж, евфемізми – звичне явище у побутовому мовленні освічених людей. По-друге, на даному етапі розвитку лінгвістики робляться тільки перші спроби вивчення фразеологічних евфемізмів. До цього часу в обмеженій кількості праць вони вивчалися разом зі всіма фразеологічними одиницями, які належать до певного фразео-семантичного поля.

Метою дослідження було визначити сфери вживання англійських та російських фразеологічних